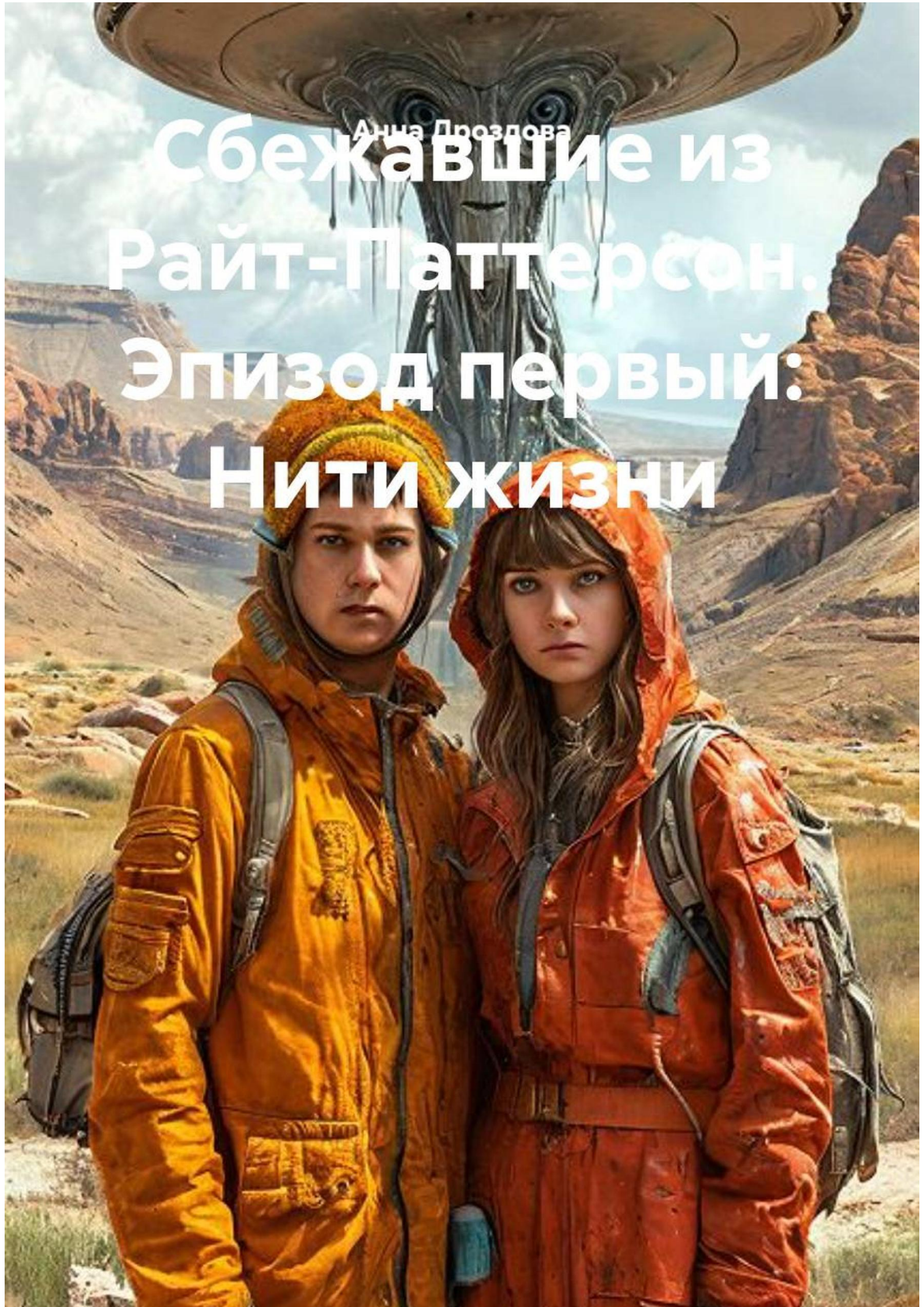

Анна Дроздова

Сбежавшие из Райт-Паттерсон. Эпизод первый: Нити жизни

Анна Дроздова

**Сбежавшие из Райт-Паттерсон.
Эпизод первый: Нити жизни**

«Автор»

2026

Дроздова А. Г.

Сбежавшие из Райт-Паттерсон. Эпизод первый: Нити жизни /
А. Г. Дроздова — «Автор», 2026

Катя и Миша - это новое воплощение погибших на секретной базе инопланетян. На Земле им предстоит трудная миссия - победить уфологов, готовых на все, чтобы люди не узнали правду о контакте. Помимо этого они, в силу своей эмпатичности, замечают другие неизвестные науке явления, которые добры, но пока не проявляются в реальной жизни в полной мере. Они как мираж... А реальность более жесткая. Земляне рождаются и умирают независимо от того , что Это существует.

© Дроздова А. Г., 2026

© Автор, 2026

Анна Дроздова

Сбежавшие из Райт-Паттерсон.

Эпизод первый: Нити жизни

Глава 1. Падение над Техасом

Небо над западным Техасом было чистым — ни облачка, только бледная луна да россыпь равнодушных звёзд. В такой час даже самые бдительные наблюдатели обычно зевали над экранами радаров, ожидая конца смены. Но не сегодня. На экране радара появилась отметка — объект двигался с немыслимой скоростью, резко меняя курс без видимых ускорений. Диспетчер поднял тревогу. Через десять минут в воздух поднялись два истребителя F35. — Цель на 30000 футов, курс 270, — раздался в наушниках пилота капитана Ричарда Морса голос с земли. — Визуальный контакт? — Есть контакт, — хрипло ответил Морс. — Это не самолёт. Форма дисквидная, светится по периметру. Двигается против ветра без видимых двигателей. — Огонь на поражение по команде. Приказ прозвучал как приговор. Ракеты «воздух-воздух» сорвались с подвесок. Одна прошла мимо, вторая попала точно в цель. Диск на мгновение замер, затем начал падать, оставляя за собой шлейф оранжевого пламени. Он рухнул в безлюдной степи, подняв тучу пыли и песка. К месту падения немедленно выдвинулись военные. Когда первые бойцы спецназа приблизились к обломкам, из развороченного люка выбрались двое. Один, высокий и бледный, с длинными серебристыми волосами, пытался поддержать другого — тот был ранен в плечо.

— Не стреляйте, — произнёс высокий на идеальном английском, но с каким то странным, мелодичным акцентом. — Мы не враги.

Её звали Герда — командир корабля. Второго, врача по имени Элиот, едва удалось спасти: ожоги третьей степени, переломы, внутреннее кровотечение. Оба выживших были немедленно перевезены на секретную базу Райт-Паттерсон. В подземном блоке допрос начался уже через час.

— Вы понимаете, что произошло? — полковник Харрис склонился над Гердой, которая сидела, прикованная к стулу.

— Вы вторглись в воздушное пространство США. Ваш корабль сбит. Вы в плену. Герда подняла глаза. В них не было страха, только усталость и какая то горькая усмешка.

— Вы думаете, что победили, — тихо сказала она. — Но вы даже не представляете, что только что натворили.

Харрис усмехнулся и повернулся к помощнику: — Начинайте. Нам нужны данные по технологии безинерционного старта. До тех пор, пока она не заговорит, — никаких лекарств для второго. Пусть видит, как её товарищ страдает. Элиот, лежавший на кушетке в углу, сжал кулаки. Он знал, что Герда не сломается быстро. Но сколько они смогут продержаться? Где то глубоко под землёй, в стенах Райт-Паттерсона, началась игра, ставки в которой были выше, чем кто либо мог себе представить.

Глава 2. Тени Райт-Паттерсона

Герда сидела в камере уже третий день. Помещение было стерильно белым, без окон, с одной массивной дверью без ручки. Воздух пах металлом и дезинфекцией, а едва уловимый гул вентиляции напоминал о том, что она находится глубоко под землёй. Она не знала, где держат Элиота. Каждые несколько часов приходил охранник — молча ставил поднос с едой, проверял крепления на её запястьях и уходил. Пища была безвкусной, но питательной: пюре, бульон, что то вроде омлета. Герда ела, чтобы сохранить силы. Она не собиралась сдаваться. На

третий день дверь открылась не по расписанию. Вошли двое: полковник Харрис и незнакомый мужчина в белом халате с планшетом в руках.

— Как самочувствие, Герда? — Харрис улыбнулся, но глаза остались холодными. — Вы выглядите лучше, чем вчера.

— Я в порядке, — ответила она ровным голосом. — Где Элиот?

— Ваш врач? Он жив. Пока. Но его состояние нестабильно. Ожоги заживают плохо. — Полковник сделал паузу. — Мы могли бы обеспечить ему лучшее лечение. В обмен на информацию. Герда промолчала. Она знала эту тактику: давить на жалость, использовать уязвимость. — Вы понимаете, что мы всё равно получим нужные данные? — продолжил Харрис. — Вопрос лишь в том, сколько времени и ресурсов мы потратим. И сколько страданий испытаете вы и ваш товарищ. — А если я скажу, что у меня нет этих данных? — Герда подняла взгляд. — Что если технология безинерционного старта — не просто формула, которую можно записать на бумаге? Харрис нахмурился.

— Не стоит играть со мной. Мы видели, как ваш корабль двигался. Никаких ускорений, никаких перегрузок. Это противоречит законам физики. Значит, у вас есть способ их обойти.

— Или вы просто ещё не до конца понимаете эти законы, — тихо ответила Герда.

Полковник сжал кулаки, но сдержался.

— Доктор Грейсон проведёт обследование, — бросил он. — Посмотрим, что скажет медицина.

Доктор Грейсон подошёл ближе, достал фонарик и проверил реакцию зрачков Герды. Затем измерил пульс, давление, взял кровь на анализ. Всё это время она наблюдала за ним.

— У неё необычная физиология, — наконец произнёс доктор, глядя на показания приборов. — Пульс ниже нормы, температура тела — 35,8. Состав крови отличается от человеческого. — Значит, она не человек, — заключил Харрис.

— Я и не говорила, что я человек, — спокойно ответила Герда. — Но это не значит, что вы можете делать со мной всё, что захотите.

Харрис усмехнулся. — Здесь, под землёй, правила устанавливаем мы. Тем временем Элиот лежал в соседней камере медблока. Его раны обрабатывали, но без применения продвинутых методов — только базовые антибиотики и перевязки. Боль была постоянной, но он старался не думать о ней. Он вспоминал, как они с Гердой впервые встретились на исследовательской станции в системе Тау Кита. Она тогда только получила назначение командиром экспериментального корабля. Молодая, но уже с репутацией блестящего стратега. «Мы не просто летаем, — сказала она тогда. — Мы ищем способ сделать космос доступным для всех. Без границ, без войн». Теперь они были пленниками на чужой планете, а их корабль — грудой металла где-то в пустыне Техаса. Дверь открылась. Вошёл охранник с инъекционным пистолетом.

— Это облегчит боль, — сказал он без эмоций. Элиот знал, что это не просто обезболивающее. Скорее всего, сыворотка правды или что-то подобное. Но сопротивляться не было сил. Игла коснулась кожи, и сознание поплыло.

— Расскажи о технологии безинерционного старта, — раздался голос Харриса где-то вдалеке. Элиот сжал зубы. Он не хотел предавать Герду. Но тело больше не слушалось его.

— Это не двигатель — прошептал он. — Это поле стабилизирует пространство вокруг корабля. Он успел произнести несколько цифр и символов, прежде чем сознание окончательно отключилось. Герда почувствовала это сразу. Что-то изменилось. Она подняла голову и посмотрела в камеру наблюдения в углу потолка.

— Вы получили то, что хотели, — сказала она в пустоту. — Но вы не понимаете, что именно. Эта формула без контекста — как слово на незнакомом языке. Вы можете его записать, но не сможете произнести. В коридоре за дверью раздались шаги. — Начинается, — прошептала Герда. — Они уже запустили симуляцию. Она закрыла глаза и сосредоточилась. Где-то глубоко внутри неё пробуждался древний механизм — резервная система связи, заложенная в её

ДНК. Если они думают, что могут просто взять и скопировать технологию, они ошибаются. Но если она хочет спасти Элиота и выбраться отсюда, действовать нужно быстро. Где-то глубоко под землёй, в стенах Райт-Паттерсона, часы начали отсчитывать последние минуты до неизбежного. Герда почувствовала, как внутри неё пробуждается древняя сила — та, что передавалась в её роду из поколения в поколение. Способность не просто умирать, а переходить. Перевоплощаться. Она вспомнила наставления матери: «Когда путь закрыт, а смерть неизбежна, отпусти тело. Найди новую нить жизни. Следуй за светом». Элиот Он был рядом, но отделён стенами, болью, сивороткой правды. Она должна была успеть. Герда закрыла глаза и сосредоточилась. В сознании вспыхнули образы: заснеженная улица в незнакомом городе, женщина с круглым животом, шепчущая что-то на непонятном языке Девочка. Её зовут Катя. Родится через полгода в Свердловске. Ещё один образ: деревянный дом у реки, мужчина склонился над колыбелью. Мальчик. Миша. Родится через год в Киеве. Это были их новые жизни. Их шанс. — Элиот, — прошептала она, мысленно протягивая ему нить связи. — Слушай меня. Мы не умрём. Мы перейдём. Найди свет. Следуй за ним. Где-то в соседней камере Элиот вздрогнул. Сквозь туман обезболивающих и допросов он услышал её голос — не ушами, а чем-то глубже, чем душа. — Куда? — мысленно спросил он. — В новые жизни. В СССР. Девочка Катя. Мальчик Миша. Мы найдём друг друга. Поженимся. Вспомним всё. Он понял. И принял. В этот момент в коридоре зазвучали шаги. Дверь камеры Герды открылась. Вошёл полковник Харрис с группой военных.

— Последний шанс, — сказал он. — Или вы говорите всё сейчас, или мы применим крайние меры. Герда подняла глаза. В них больше не было усталости — только спокойная решимость.

— Вы опоздали, — тихо сказала она. — Мы уже ушли. И в тот же миг её тело обмякло. Пульс исчез. Монитор, к которому она была подключена, выдал ровную линию.

— Что за чёрт?! — Харрис бросился к ней. — Доктор! Быстро сюда! Доктор Грейсон проверил показатели. — Она мертва. Внезапная остановка сердца. Но это невозможно. Никаких предпосылок. В соседней камере произошло то же самое. Элиот, только что дышавший и реагирующий на стимуляторы, вдруг затих. Пульс пропал. Дыхание остановилось. — Невероятно, — прошептал доктор, глядя на монитор. — Оба одновременно. Никаких физиологических причин. Харрис сжал кулаки.

— Проклятье! Они что, уничтожили себя силой воли?

— Похоже на то, — ответил доктор. — Но это выходит за рамки всего, что я знаю.

Тем временем где-то далеко, за тысячи километров и несколько месяцев вперёд. Свердловск, декабрь 1985 года. В роддоме на окраине города женщина по имени Ольга тяжело вздохнула и прижала к груди новорождённую дочку. — Катя, — прошептала она. — Какое красивое имя.

Девочка открыла глаза — на мгновение в них промелькнуло что-то взрослое, мудрое, словно она уже видела этот мир раньше. Но тут же взгляд стал младенческим, любопытным.

Киев, ноябрь 1986 года. В деревянном доме у Днепра мужчина с грубоватым, но добрым лицом склонился над колыбелью. — Миша, — произнёс он, улыбаясь. — Мой сын. Мальчик улыбнулся в ответ — не так, как обычно улыбаются новорождённые. В этой улыбке было что-то осмысленное, будто он знал, что его ждёт впереди.

Райт-Паттерсон, наши дни. Полковник Харрис стоял перед пустыми камерами. Тела Герды и Элиота уже увезли на вскрытие. — Найдите всё, что можно, — приказал он. — Анализы, записи допросов, данные мониторинга. Должен быть какой-то ключ. Доктор Грейсон кивнул, но в глазах его читалось сомнение. — Боюсь, мы столкнулись с чем-то, что выходит за пределы нашего понимания, — тихо сказал он. — Они не просто умерли. Они ушли. Харрис посмотрел на камеру наблюдения в углу. Ему показалось, или объектив на мгновение вспыхнул красным? — Мы ещё не закончили, — пробормотал он. — Если они перевоплотились, мы их найдём. Где бы они ни были. Но где-то глубоко внутри он понимал: эта игра только началась. А

в СССР, в разных городах, росли двое детей, чьи судьбы были связаны ещё до рождения. Катя и Миша. Герда и Элиот в новой жизни. Они ещё не знали друг друга, но однажды встретятся. И вспомнят всё.

Глава 3. Детство Миши

Миша рос в деревянном доме у Днепра, в тихом районе Киева. Дом стоял на окраине — с одной стороны начинался лес, с другой тянулись огороды и сады. Каждое утро Миша просыпался под запах свежеспечённого хлеба и шкварчащих на сковороде драников — бабушка Маруся всегда готовила с душой. Отец, Андрей Петрович, работал на заводе. Крепкий, молчаливый мужчина с мозолистыми руками, он учил Мишу всему, что знал сам: как держать молоток, как насадить топор на топорище, как отличить хорошую древесину от гнилой. — Руки должны чувствовать материал, — говорил он, показывая, как строгать доску. — Не спеши. Терпение — вот главный инструмент. Но были моменты, когда Миша чувствовал себя другим. В детском саду воспитатели часто замечали, что он смотрит на вещи так, будто видит их насквозь. Однажды воспитательница показала детям глобус. — Вот наша планета, — сказала она. — А вот звёзды, но они очень далеко. Миша поднял руку: — А если лететь очень быстро, можно добраться до них за несколько дней? Воспитательница улыбнулась.

— Нет, Миша. До звёзд миллионы километров.

— Но если не так, как мы летаем на самолётах? А по другому? — настаивал мальчик. В группе засмеялись, но Миша не понимал, что смешного. Ему казалось, он знает другой способ. В семь лет, когда он пошёл в школу, странные ощущения усилились. На уроке природоведения учительница рассказывала о строении Земли. — В центре планеты раскалённое ядро, — объясняла она, рисуя мелом на доске. — Оно очень горячее. Миша вдруг замер. Перед глазами вспыхнула картина: не просто ядро, а сложная структура из слоёв, каждый со своим ритмом, своим пульсом. Он видел это так ясно, будто стоял внутри Земли. — Миша, ты меня слушаешь? — окликнула учительница. Он вздрогнул: — Да, слушаю. Просто я представил, как оно там, внутри. Одноклассники снова засмеялись, но учительница вдруг замолчала и внимательно посмотрела на него. Бывали и другие странности. Однажды, когда ему было девять, он играл с ребятами во дворе. Ктото предложил залезть на старый тополь — самый высокий во всём районе.

— Я первый! — крикнул соседский мальчишка и полез вверх. Но ветка под ним треснула. Он сорвался и уже летел вниз, когда Миша, сам не понимая как, почувствовал движение воздуха вокруг. Чтото внутри него подтолкнуло — и мальчик, вместо того чтобы рухнуть на землю, мягко опустился, будто его подхватила невидимая рука. Все замерли.

— Ты ты что сделал? — прошептал один из ребят.

Миша сам не знал. Он только почувствовал, как внутри чтото включилось — как будто давно спящий механизм проснулся. — Не знаю, — пробормотал он.

— Просто хотел, чтобы он не упал.

Дома он рассказал об этом бабушке. Та долго смотрела на него, помешивая чай в стакане, а потом тихо сказала: — В нашей семье были люди, которые умели необычное. Моя прабабка, например, могла предсказать дождь за день до того, как тучи появятся. А твой дед, царство ему небесное, однажды остановил лошадь, которая понесла. Просто встал на дороге и попросил её остановиться.

— То есть это нормально? — спросил Миша.

— Нормально ли? — бабушка вздохнула. — Скажем так: это не болезнь. Но и не то, о чём стоит кричать на каждом углу. Береги это в себе. И слушай, что оно тебе говорит.

С тех пор Миша начал замечать больше. Он мог определить, когда ктото лжёт — по едва уловимому изменению интонации или мимики. Иногда, закрывая глаза, он видел вспышки

чужих воспоминаний — будто кадры из старого кино. А однажды ночью ему приснился странный сон: женщина с серебристыми волосами смотрела на него и шептала: «Ты помнишь. Ты найдёшь её». Проснувшись, он долго лежал с открытыми глазами, глядя в темноту. Кто эта женщина? И кого он должен найти?

Шли годы. Миша выросл, а его способности проявлялись всё ярче. В школе он стал лучшим в физике и математике, хотя учителя не понимали, как он решает задачи — иногда он просто видел ответ, не проходя через привычные вычисления.

В 15 лет он впервые услышал голос. Это случилось на уроке химии. Учитель объяснял строение атома, а Миша вдруг почувствовал, как электроны вращаются вокруг ядра — не как абстрактную модель, а как живую, пульсирующую систему. И в этот момент в голове прозвучало: «Ты помнишь. Ты почти готов». Он резко поднял голову, оглядываясь. Никто из одноклассников не смотрел на него. Голос был внутри. «Кто это?» — мысленно спросил он. Ответа не последовало. Но с этого дня Миша точно знал: он не просто мальчик из Киева. Он — кто-то ещё. И где-то есть та, кого он должен найти. Та, чьё имя он пока не знал. Но однажды вспомнит.

Глава 4. Детство Кати

Катя родилась в Свердловске, в семье инженера и школьной учительницы. С самого детства она была не такой, как все. В три года она уже уверенно держала карандаш и рисовала странные картины — не домики и цветочки, а сложные геометрические фигуры, переплетённые линии, похожие на схемы, и сияющие шары, напоминающие звёзды.

— Что это, Катюша? — спрашивала мама, разглядывая рисунок.

— Это как внутри, — серьёзно отвечала девочка. — Там всё светится и движется.

Больше всего Катя любила разговаривать с кошками. Во дворе их дома жило несколько бродячих кошек. Катя могла часами сидеть на лавочке, что-то тихо им рассказывая. Кошки слушали, мурлыкали, тёрлись о её ноги. — Мам, они мне отвечают! — восторженно говорила Катя. — Мурка говорит, что вчера видела большого пса, а Вася — что нашёл вкусную рыбу.

Мама хмурилась:

— Доченька, кошки не умеют говорить. Ты просто придумываешь.

— Но я же слышу! — настаивала Катя. — У них свой язык. В школе стало ещё сложнее. На уроке рисования Катя вместо весёлого пейзажа изобразила сложную систему светящихся линий, пересекающихся в разных точках. Учительница вздохнула:

— Катя, милая, это не то, что мы просили нарисовать. Где деревья? Где речка? — А зачем? — искренне удивилась девочка. — Это же схема того, как всё связано. Видите, вот здесь энергия течёт, а тут она накапливается. Одноклассники начали шептаться. Кто-то назвал её «странной», кто-то — «чудачкой». Ситуация обострилась, когда Кате исполнилось десять. Однажды она нарисовала портрет незнакомой женщины с серебристыми волосами. Черты лица были точными, почти фотографическими, хотя Катя никогда её не видела.

— Кто это? — строго спросила мама, взяв рисунок в руки.

— Не знаю, — пожала плечами Катя. — Она приходит ко мне во сне и что-то говорит. На непонятном языке, но я всё равно понимаю.

Мама побледнела. В тот же вечер она отвела дочь к врачу. Врач долго беседовал с Катей, задавал вопросы, показывал карточки. Потом покачал головой и что-то записал в карте.

— У девочки явные признаки галлюцинаций и бредовых идей, — сказал он маме. — Рекомендую стационарное лечение.

— Но она же просто фантазирует! — пыталась возразить мама.

— Фантазии не бывают такими детализированными и устойчивыми, — отрезал врач. — Лучше перестраховаться.

Так Катя оказалась в психиатрической больнице. Палата была светлой, но стерильной. Белые стены, белые кровати, белые халаты врачей. Кате выдали пижаму, показали, где умываться, и оставили одну. Она села на край кровати и посмотрела в окно. За решёткой виднелась верхушка берёзы. «Я не сумасшедшая», — твёрдо сказала себе Катя. В тот же вечер к ней подошёл врач:

— Расскажи, что ты видишь на этой картинке? — он показал кляксу Роршаха. Катя посмотрела и честно ответила:

— Это корабль. Он летит между звёздами. Видите эти линии? Это траектории движения, а вот здесь — поле защиты. Врач вздохнул и сделал пометку в блокноте.

Но Катя не сдавалась. По ночам, когда все засыпали, она доставала изпод матраса маленький блокнот и рисовала. Тайком, при свете уличного фонаря, проникающем через окно. Рисовала схемы, карты неведомых мест, портреты людей, которых никогда не видела. И ту женщину с серебристыми волосами — снова и снова. Однажды ночью она почувствовала, как что-то внутри неё просыпается — то же самое, что было у Миши. Древняя сила, память прошлых жизней. «Герда», — вдруг всплыло в сознании. Это было её имя. Настоящее имя. И где-то далеко был тот, кто его знал. Через три месяца маму вызвали в больницу.

— Мы не видим прогресса, — сказал врач. — Более того, её состояние, кажется, ухудшается. Она попрежнему утверждает, что разговаривает с животными и видит невидимые схемы мира.

— Вылечите её! — взмолилась мама. — Сделайте что-нибудь!

— Мы попробуем новый курс препаратов. Но когда мама зашла в палату попрощаться, Катя крепко сжала её руку и прошептала:

— Мама, я не больна. Я просто другая. И однажды ты это поймёшь. В ту же ночь Катя впервые осознанно использовала свою силу. Она закрыла глаза и представила дверь — настоящую, а ту, что ведёт куда-то ещё. Сосредоточилась на ощущении свободы, на желании выйти. И дверь появилась — мерцающая, полупрозрачная. Катя сделала шаг вперёд — и оказалась во дворе своего дома, в нескольких километрах от больницы. Она не сбежала — она переместилась. Вернувшись домой, Катя обняла заплаканную маму и сказала: — Больше никаких больниц. Я научусь скрывать это. Но никогда не откажусь от того, кто я есть. С тех пор она стала осторожнее. Рисовала свои схемы только по ночам. Разговаривала с кошками шёпотом, когда никто не слышал. Но внутри неё крепла уверенность: однажды она найдёт того, кто поймёт её без слов. Того, с кем они были связаны ещё до рождения. Того, кого она когда-нибудь вспомнит по имени.

Глава 5. Точка зрения

Катя и Миша учились в разных городах — она в Свердловске, он в Киеве, — но в один и тот же день на уроке биологии в 10м классе произошло почти идентичное событие. Будто невидимая нить связала их мысли на расстоянии.

Свердловск. Школа 15. Урок биологии вела строгая Анна Васильевна — женщина с седыми волосами, собранными в тугий пучок, и очками на цепочке. Тема: «Вирусы и бактерии: враги человека».

— Вирусы — это паразиты, — говорила она, указывая указкой на схему строения вируса гриппа. — Они проникают в клетки, разрушают их и вызывают болезни. Наша задача — бороться с ними всеми доступными средствами: вакцинами, антибиотиками, дезинфекцией. Катя подняла руку:

— А если посмотреть на это с другой стороны?

Анна Васильевна удивлённо подняла брови:

— С какой ещё стороны, Екатерина?

— Вирус — это тоже форма жизни. У него своя роль, своя цель. Он не «враг» по определению. Он просто существует. В классе засмеялись. Ктото прошептал: «Опять она за своё». Но Катя не смутилась:

— Почему мы считаем, что имеем право уничтожать целые виды микроорганизмов только потому, что они нам неудобны? Вакцины инактивируют штаммы — по сути, убивают их. Дезинфекция — это массовое уничтожение. Разве это этично?

— Катя, ты предлагаешь не лечить болезни? — строго спросила учительница.

— Нет. Я предлагаю научиться сотрудничать. Создать вакцины, которые не убивают микробов, а перенастраивают их. Сделать так, чтобы они помогали организму, а не вредили.

— И как же это сделать? — скептически спросила Анна Васильевна. Катя встала, подошла к доске и начала рисовать. Линии ложились уверенно, схемы складывались в сложную, но гармоничную систему.

— Вот, — она указала на рисунок. — Вакцина должна содержать не убитый штамм, а его энергетическую матрицу. Она «учит» иммунную систему распознавать угрозу, но не вызывает воспаления. Более того, такая матрица может омолаживать клетки, активируя скрытые резервы организма. В классе повисла тишина. Анна Васильевна молча смотрела на доску.

— Это невозможно, — наконец сказала она.

— Возможно, — твёрдо ответила Катя. — Просто мы пока не научились так думать. Если люди хотят когданибудь открытого контакта с инопланетянами, они должны научиться уважать абсолютно все формы жизни. Даже те, что кажутся им опасными. Киев. Школа 8В это же самое время в Киеве Миша слушал похожую лекцию. Учитель, Виктор Павлович, демонстрировал слайд с изображением кишечной палочки и рассказывал о необходимости дезинфекции.

— Эти микроорганизмы могут вызывать тяжёлые заболевания. Поэтому мы должны уничтожать их везде, где они появляются. Миша поднял руку:

— А что, если они не «вредные», а просто не на своём месте? В кишечнике эта бактерия полезна — помогает переваривать пищу. Почему бы не научиться контролировать их распространение, а не уничтожать поголовно? Класс оживился. Ктото хмыкнул, ктото зашептался.

— Ты предлагаешь оставить опасные микробы в покое? — уточнил учитель.

— Я предлагаю понять их логику. Вирусы и бактерии — это не враги, а партнёры, с которыми мы ещё не научились договариваться.

— И как же с ними «договориться»? — с иронией спросил Виктор Павлович. Миша встал, подошёл к доске и начал чертить схему. Линии переплетались, образуя сложную сеть связей.

— Вакцина должна быть не убийцей, а посредником, — объяснял он. — Вместо того чтобы инактивировать штамм, мы создаём его «цифровой двойник» — энергетическую копию. Она обучает иммунную систему, не вызывая побочных эффектов. Более того, такой подход может активировать регенерацию клеток — то есть омолаживать организм. Учитель замер, глядя на схему:

— Где ты это взял? — Просто вижу, — честно ответил Миша. — Это логично. Если мы хотим, чтобы другие цивилизации относились к нам с уважением, мы должны научиться уважать все формы жизни — даже самые маленькие.

На следующий день о «странных теориях» Кати и Миши заговорили в школах. Учителя переглядывались, родители волновались, одноклассники шутили. Но кое что изменилось. В Свердловске Анна Васильевна, перечитав записи Кати, нашла в библиотеке старую книгу по гомеопатии и задумалась. В Киеве Виктор Павлович показал схему Миши знакомому вирусологу. Тот, скептически хмыкнув сначала, через неделю позвонил учителю:

— Любопытная концепция. Надо проверить. А Катя и Миша в тот же вечер, не сговариваясь, открыли свои старые рисунки — те, что делали в детстве. Катя — схемы светящихся линий, Миша — чертежи неизвестных устройств. И в этот момент они почувствовали друг друга. Где то глубоко внутри что то щёлкнуло. Будто давно разорванная связь восстановилась. Она

есть, — подумал Миша. Он рядом, — поняла Катя. Они ещё не знали, где и когда встретятся. Но теперь были уверены: это случится. И тогда их идеи перестанут быть «странными теориями» — они станут реальностью.

Глава 6. Сигналы неба

Весна 1991 года. По всему Советскому Союзу нарастало странное волнение. Впервые за долгие годы в официальной прессе появились статьи о НЛО — не как о выдумках и мифах, а как о чём-то реальном, требующем изучения.

Газета «Правда», 12 апреля 1991 года. Заголовок на первой полосе кричал: «Они прилетели!». Под ним — фотография: размытое пятно в ночном небе над Новосибирском. Статья рассказывала о десятках свидетельств очевидцев, о странных помехах в работе радиостанций, о светящихся объектах, зависавших над городами. Тон был воодушевлённый: «Человечество стоит на пороге контакта с внеземными цивилизациями!»

Газета «Известия», 15 апреля 1991 года. Но не все были так оптимистичны. В соседней газете вышла статья с заголовком «Кто они?». Автор, военный обозреватель полковник в отставке, писал:...«Мы не знаем намерений этих существ. История учит нас: когда более развитая цивилизация встречается с менее развитой, это почти всегда заканчивается трагедией. Мы не можем позволить себе слепое доверие. Необходимо усилить ПВО, создать специальные исследовательские группы, подготовиться к любому сценарию». Свердловск. Реакция Кати. Катя читала эти статьи, и внутри у неё всё сжималось. Она сидела в школьной библиотеке, держа в руках два номера газет, и чувствовала, как накатывает волна тревоги. — Они не враги, — прошептала она, глядя на фотографию НЛО. — Они просто другие. Почему все сразу думают о войне? Рядом сидела её подруга Лена:

— Кать, ты чего? Это же круто! Может, они нам технологии подарят, летающие машины, лекарства от всех болезней?

— А если мы их напугаем? — Катя подняла глаза. — Если будем целиться в них ракетами, вместо того чтобы просто сказать: «Привет, мы здесь»?

Лена пожала плечами:

— Ну, ты как всегда слишком добрая.

Но Катя знала, что дело не в доброте. Она чувствовала — так же, как чувствовала язык кошек и схемы вакцин. Эти существа в небе были частью чего-то большего, чего люди пока не понимали. И страх мог всё испортить.

Киев. Реакция Миши.

Миша стоял у киоска «Союзпечать», разглядывая газетные заголовки. В груди что-то болезненно сжалось. — «Они прилетели!» — прочитал он вслух. — Как будто это футбольный матч.

Рядом остановился одноклассник Игорь:

— Круто, да? Наконец-то мы не одни во Вселенной!

— Но мы даже не знаем, кто они, — тихо ответил Миша. — И уже делим на «друзей» и «врагов».

— Ну а как иначе? — удивился Игорь. — Либо они нам помогут, либо нападут.

— А если ни то ни другое? Если они просто изучают нас? Или вообще не обращают внимания? Мы же не объявляем войну муравьям, когда строим дом на их куче. Игорь засмеялся: — Ты как всегда со своими философскими штуками.

Миша сжал кулаки. Он знал, что прав. Где-то глубоко внутри просыпалась память Герды и Элиота — память о том, как не надо встречать гостей.

В ту ночь Катя и Миша увидели один и тот же сон. Они стояли на вершине горы. Над ними раскинулось звёздное небо, а вдалеке, на горизонте, висел огромный серебристый диск.

Он не двигался, не мигал огнями — просто был. И голос — не мужской и не женский, а какойто всеобъемлющий — произнёс: «Вы помните. Вы знаете. Вы должны помочь им понять». Катя проснулась в холодном поту. Миша сел на кровати, чувствуя, как колотится сердце. Оба они поняли: это не просто сон. Это сигнал. И он был адресован им двоим.

На следующий день Катя принесла в школу свой старый рисунок — тот самый, с женщиной с серебристыми волосами. Она показала его Лене:

— Смотри. Это не просто фантазия. Я видела её во сне. Она как я. И она где-то есть. Лена нахмурилась:

— Кать, это уже слишком. Может, тебе к психологу сходить?

— Нет, — твёрдо сказала Катя. — Мне нужно найти кого-то. Того, кто поймёт.

В Киеве Миша, вместо того чтобы идти на уроки, отправился в библиотеку. Он искал всё, что мог найти про НЛО, про контакты с пришельцами, про древние мифы о «богах с неба». И чем больше читал, тем сильнее крепла уверенность: — Они уже были здесь. Много раз. И мы забыли. Где-то в глубине души он знал: скоро всё изменится. И они с Катей должны быть готовы. Потому что если люди продолжают бояться и стрелять, первый настоящий контакт может стать последним.

Глава 7. Экспедиция в Солнечногорск

Новость об уфологической экспедиции в Солнечногорске Катя и Миша узнали почти одновременно — словно кто-то специально подстроил так, чтобы они увидели её в один день. Катя. Свердловск. Она наткнулась на объявление в газете «Комсомольская правда»: «Объявляется набор волонтеров в научную экспедицию по изучению аномальных явлений в районе г. Солнечногорска Московской области. Руководитель — профессор А. В. Соколов. Срок: 2 недели. Проживание и питание за счёт организаторов». Под текстом — маленькая фотография: лес у озера, в небе — размытое овальное свечение. Катя замерла. Что-то внутри неё подсказало: «Это то, что нужно. Там ты найдёшь ответы». Не раздумывая, она написала письмо на указанный адрес. В нём было всего несколько строк: «Я чувствую связь с этими явлениями. Я должна быть там. Я готова помочь всем, чем смогу».

Киев. Миша увидел объявление на доске объявлений в университете: распечатанный лист с тем же текстом и фотографией. Он стоял и смотрел на него, пока внутри не вспыхнуло знакомое ощущение — направление. «Туда», — прозвучало в сознании. Он позвонил по указанному номеру. Трубку взял сам профессор Соколов: — Вы серьёзно хотите участвовать? — спросил он после короткого разговора. — У нас нет бюджета на билеты из Киева.

— Я сам доберусь, — твёрдо ответил Миша. — Мне нужно быть там. Профессор помолчал, затем сказал: — Хорошо. Приедете — найдите меня у озера.

Солнечногорск. Начало экспедиции.

Через две недели Катя и Миша стояли у ворот дачного посёлка на окраине Солнечногорска. Над лесом висело туманное марево, а воздух казался густым, будто пропитанным электричеством. Профессор Соколов, сухощавый мужчина лет шестидесяти с внимательными глазами, собрал всех волонтеров у озера: — Мы здесь не просто так, — начал он. — В этом районе уже несколько месяцев фиксируются аномальные явления: свечения, помехи в работе техники, странные сны у местных жителей. Но самое интересное — связь с художником Малышевым. Он показал старую фотографию: мужчина с палитрой в руках, на фоне его картины — изображение серебристого диска над лесом. — Малышев утверждал, что общался с пришельцами. Они якобы позировали ему для этой работы. Тогда его сочли сумасшедшим. Но теперь мы находим подтверждения: его записи, эскизы.

Первый день. Разделение на группы. Волонтеров разделили на группы. Катя и Миша оказались в одной — той, что должна была обследовать лес у озера.

— Ты тоже из за этих статей про НЛО приехал? — спросила Катя, когда они шли по тропинке.

— Не только, — Миша посмотрел на неё. — У меня было чувство, что я должен сюда попасть. А у тебя?

— То же самое, — она кивнула. — И ещё сны. Сны, в которых я вижу то, чего не могла видеть. Они замолчали, но между ними что-то установилось — не просто знакомство, а узнавание. Будто они знали друг друга очень давно. В лесу было тихо. Птицы не пели, даже ветер не шелестел листвой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.